

Малахов Владимир

28.01.99

Имена

Ольга ФУКС

Многие хореографы мира ставят спектакли именно на него, а число версий классических балетов, которые перетанцевал, он и сам затрудняется подсчитать. Что-то вроде пяти «Лебединых озер», девяти «Жизелей» и так далее. То же самое в свое время выбрал Рудольф Нуреев, который сбежал не столько от советской системы, сколько от консерватизма великого русского балета. Кстати, Малахова сегодня называют вторым Нуреевым. Газета «Нью-Йорк Таймс» недавно посвятила ему первую полосу и разворот — из всех танцовщиков мира такого внимания удостаивались только Барышников и Нуреев. В России его не видели уже много лет.

— Володя, как вы пришли в балет?

— У меня мама занималась художественной гимнастикой, а балет был ее несбывшейся мечтой. И она сказала себе, что ее первый ребенок будет танцовщиком. В балетной студии Кривого Рога, где я танцевал положенных зайчиков и мышек, педагог посоветовал мне поступать в профессиональное училище. Мама повезла меня в Москву — из четырехсот человек в тот день приняли троих... Мама, конечно, летала от счастья, но когда она отдавала меня в интернат 1 сентября и видела, как я махал на прощание, поняла, что нужно уходить, не оборачиваясь, иначе она просто заберет меня обратно. Так что без родителей я уже лет двадцать. Сейчас я уже с ними вместе больше десяти дней выдержать не могу — у нас разные ритмы.

— А есть ли сегодня на земле место, которое вы могли бы назвать своим Домом?

— У меня дом везде, где у меня есть квартира, — в Нью-Йорке, Штуттгарте и Вене. А лучше всего я себя чувствую там, где мне лучше работается — работу ставлю выше личной жизни. Сцены люблю плоские, без наклона, как в Большом, — в Европе они в основном плоские, кроме Франции и Италии. Что касается размера, то я танцевал и на маленьких, и на больших и могу сказать, что мне никогда не хватало сцены, никогда!

Конечно, ужасно надоело таскаться с чемоданами, хочется, чтобы в одной маленькой сумочке в мини-лапаторе умещался весь твой дом, а потом можно было ударом волшебной палочки возвращать ему реальные размеры. Не могу я уже эти чемоданы таскать!

Когда хореограф Ренато Занелла задумал поставить номер для Владимира Малахова, он постепенно пришел к выводу, что образ этого танцовщика — это образ артиста-страдальца, пустившегося в бесконечное путешествие, на которое он сам себя обрек. Здесь все привязанности остры и недолговечны, а разлуки неизбежны, здесь для тебя открыт весь мир, но ты в этом мире бесконечно одинок. Этот образ как будто возвращает к истокам профессии, когда артист (актер, жонглер, танцор, клоун), покорив очередной город, снова собирался в дорогу. Так родился один из самых красивых номеров в репертуаре Малахова — «Вояж» на музыку Моцарта.

296